

ЯПОНСКИЙ ФАШИЗМ

Мазуров И.В. ЯПОНСКИЙ ФАШИЗМ. Теоретический анализ политической жизни Японии накануне Тихоокеанской войны. М.; Издательская фирма «Восточная литература». РАН. 1996.

Социально-политическая история Японии 20-х — первой половины 40-х годов XX в. не слишком избалована вниманием японоведов. Большинство исследований в этой области было написано еще в 50—60-е годы и к настоящему времени устарело как с методологической, так и с источниковой точки зрения. Отсюда — наличие не столько «белых», сколько серых пятен в политической истории Японии между двумя мировыми войнами. Вот почему появление небольшой монографии **И.В. Мазурова**, посвященной японскому фашизму, можно расценивать как положительное явление для отечественного японоведения. Главный вопрос, на который пытается ответить автор монографии, состоит в том, был ли фашизм в Японии и в чем он проявлялся. Существует множество различных подходов к этому явлению, которые зависят от исходных методологических позиций. Автор монографии останавливает свой выбор на одном из них, рассматривая фашизм в контексте тоталитаризма. При этом в зависимости от основного ценностного критерия выделяется три формы тоталитаризма: 1) правая форма — национальный (расовый) критерий (фашистские режимы Гитлера, Муссолини и др.); 2) левая форма — классовый (социальный) критерий (например, сталинизм); 3) религиозная форма — религиозный критерий организации общества (например, исламский фундаментализм в Иране периода Хомейни) (С.28).

Опираясь на исследования западных ученых Х. Арендт, Л. Шапиро, К. Фридриха и З. Бжезинского и в известной степени обобщая их, автор монографии предпринимает попытку сформировать свое видение тоталитаризма, выделяет «шесть его основных характеризующих признаков»: 1. Абсолютная концентрация власти при авторитарной форме правления, которой свойственны: а) соединение законодательной и исполнительной власти; б) принцип «вождизма»; 2. Идеологический монизм, практическим воплощением которого является однопартийная политическая система при фактическом отсутствии демократических институтов; 3. Наличие общественно-политического движения (в том числе религиозно-политического), создающего массовую социальную базу режима; 4. Государственно организованный террор, основанный на перманентном и тотальном насилии; 5. Экономическая авария при жесткой регламентации экономики и существенной доле внешнеэкономических форм принуждения; 6. Антилиберализм как сущностный фактор политического режима» (С.32—33).

На основании этих признаков в монографии дается следующее определение тоталитаризма: «Тоталитаризм — сформированная на основе идеологического монизма террористическая политическая структура, которая опирается на общественно-политическое движение, при абсолютной концентрации власти в руках ее лидеров» (С.33).

Заметим сразу, что данное автором определение не безупречно. В обобщенное определение тоталитаризма не вошел тот признак, который автор называет «сущностным фактором». В дальнейшем Мазуров для своего анализа японского фашизма пользуется «таким формальным признаком, как наличие общественно-политического движения тоталитарного типа», которого оказывается вполне достаточно.

Необходимо также устранить одну неясность в наборе признаков тоталитаризма. непонятно, какое содержание автор вкладывает в понятие либерализм, а соответственно и в его антоним — «антилиберализм». Термин страдает неопределенностью. С политической точки зрения, либерализм часто смешивают с демократией, а с экономической — со свободной конкуренцией в рыночной экономике. У автора есть косвенный ответ на этот вопрос. Речь идет о таком явлении, как «сокращение доли частного капитала и замена господства капиталистических отношений (конкуренция и экономическая зависимость) новой формой отношений, основанных на личной зависимости, преданности режиму, характерных больше для докапиталистических обществ» (С.32). Но в таком случае напрашивается более точное определение этого явления — корпоративизм (у Муссолини была основополагающая идея корпоративного государства)

Нужно заметить, что при всем стремлении к новаторству автора рецензируемой монографии, основной недостаток его работы состоит в методологической непоследовательности. Она выражается в соединении методологии «идеального типа» М. Вебера (также, в частности, выделенное в книге «тоталитарного максимума»), которой автор, видимо, следует неосознанно, с марксистским подходом к оценке отдельных явлений и событий, что далеко не всегда удачно сочетается и придает работе несколько эклектичный характер.

Приведем несколько примеров. Вот как исследователь характеризует исторические условия возникновения тоталитаризма: «Появление тоталитарных тенденций в общественном развитии обусловлено выходом ряда государств из патриархального состояния и включением их в новую систему государств с развитой экономикой. При этом развивающиеся государственные системы вступают в конфликт с уже развитыми государствами, занимая подчиненное положение, подобное положению полуколоний» (С.29—30). Если бы автор был последователен в методологии, то процесс подобного рода он назвал бы модернизацией — переходом от традиционного общества к современному. Этот процесс характерен для так называемых стран «третьего мира». Если следовать данной логике, то в наибольшей степени тенденции к тоталитаризму должны были бы прослеживаться в странах «третьего мира». Но этого как раз и не происходит. Как справедливо отмечает сам автор, в развивающихся странах устанавливаются скорее авторитарные, чем тоталитарные режимы. Значит, дело не только в модернизации, но и в совокупности других условий: в специфической социально-политической ситуации, в особенностях политической культуры и характере политической борьбы в данном социуме.

Возможен вариант решения поставленной проблемы и в марксистской парадигме: к тоталитаризму, а следовательно, фашизму, тяготеют страны «второго эшелона» капитализма» (Германия, Италия, Россия, Япония). Но в этом случае страны «третьего мира» выпадают из обоймы тоталитаризма — религиозный тоталитаризм (хомейнизм) вообще не существует.

Другой пример непоследовательности методологии в оценке тоталитаризма: «Тоталитаризм — это реакция на высокие темпы развития капитализма, за которым не поспевает развитие общественного сознания» (С.35). В данном случае автор впадает в банальный марксизм вульгарного толка, что приводит его к путанице и снижает оригинальность подхода.

Впрочем, методологический недостаток, характерный для общей концепции тоталитаризма, не помешал автору в решении вполне конкретной задачи — исследованию японского фашизма. Автор исходит из того, что фашизм в Японии возникает как одно из течений правого движения. В монографии дается классификация правого движения, которая не вызывает возражения. Выделяется три течения. 1) «Ультранационалистическое (ультрапатриотическое) течение, представленное различными организациями корифеев патриотического движения Тояма Мицуру (1855—1944) и Утида Рёхэй (1874—1936)» (С.63). 2) «Национально-социалистическое (государственно-социалистическое) течение, которое возглавляли известный идеолог японских правых Кита Икки (1883—1936) и его соратник Окава Сюэй (1886—1957)» 3. Течение, которое автор обозначает как «центристское националистическое, представленное обществом «Кокухонся» (Общество государственных основ) и теми организациями, которые вокруг него группировались» (С.64).

Японский фашизм автор связывает со вторым течением, которое «только и можно назвать собственно фашистским» (С.68). Исследователь нашел удачное решение проблемы японского фашизма, совершенно справедливо считая, что в Японии он существовал как общественно-политическое движение (добавим, прежде всего как специфическая идеология), но не принял институционального характера, не превратился в систему государственной власти.

Нужно согласиться с И.В. Мазуровым и в том, что конец фашистскому движению в Японии положил разгром путча, который вспыхнул 26 февраля 1936 г. Из этого вытекает важный для автора вывод, который не вызывает возражений, а именно: процесса так называемой «фашизации сверху» после разгрома фашистского путча 1936 г. в Японии не было. Как же в таком случае можно охарактеризовать режим так называемой «новой политической структуры», сложившейся в Японии в начале 40-х годов? Исследователь солидарен с оценкой этого режима американским политологом С. Пейном, который называет его «традиционалистской монархической системой воюющего государства» (С.117). С нашей точки зрения, это адекватная оценка японского политического режима, возникшего в результате длительной реорганизации, последовавшей за разгромом фашистского путча 1936 г.

К числу рецензируемой монографии нужно отнести и некоторые тонкие наблюдения политической жизни Японии, которые выглядят многообещающе в плане дальнейшего исследования политической истории страны. Например, автор отмечает, что во время войны «плюрализм в Японии полностью уничтожен не был» (С.115). Это наблюдение наталкивает на изучение действия специфического механизма консенсуса в японской политической жизни.

При оценке рецензируемой монографии нельзя пройти мимо ряда промахов и недостатков, допущенных автором. Значительная их часть — не столько, может быть, вина исследователя, сколько беда отечественного японоведения, для которого «Очерки новой истории Японии» под ред. А.А. Гальперина, вышедшие еще в 1958 г., являются последним словом в изучении многих событий истории Японии в период нового времени. Автор монографии следует устоявшимся оценкам, что приводит его к повторению ошибок, допущенных другими. Так, на с.44 по-старому изображается политический кризис 1873 г., когда ряд ведущих политиков вышел из правительства. В дальнейшем одного из таких деятелей —

Это Симпэя, автор, по устоявшейся в отечественной историографии традиции, называет лидером мятежа в Сага. Между тем, как показал на основе изучения архивных материалов японский историк Мори Тосихико, участие Это Симпэя в мятеже в Сага было косвенным, а дело против него, в результате которого его казнили, было сфальсифицировано группировкой Тэсю (см.: **Мори Тосихико. Это Симпэй.** Токио. 1992. С.209 и др., на яп. яз.). На той же 44 с. автор дает неудачный перевод японского термина «сэйнан сянсо» как «война Запада и Юга», что приводит к нелепости. Дело в том, что не было «войны Запада и Юга», а была война правительственных войск (по японской традиции «Востока») на юго-западе против мятежников. Поэтому «сэйнан сэнсо» нужно переводить как «юго-западная война».

В таком же ключе построены рассуждения автора на с.103, 104 о политической борьбе в верхах, которую он связывает с «феодалными кланами» и «военно-феодалными кланами». Вряд ли правомерно говорить о «кланах» применительно к периоду, который анализирует автор. Можно говорить о кликах, группировках, пользоваться любым другим термином, но лучше избегать слова «клан», который из всех терминов представляется наиболее неудачным. Этот термин перекочевал из англоязычной историографии для обозначения японского понятия «хан» (княжество) и был изначально неудачен, тем более для изображения политической жизни Японии после упразднения княжеств. Но, повторяем, что указанные ошибки обусловлены наследием отечественной историографии, и вряд ли автора монографии стоит за них слишком строго судить.

В целом же нужно отметить, что И.В. Мазурову удалось главное — показать специфику японского фашизма. Как уже отмечалось выше, для этого им была использована концепция тоталитаризма. Возможны и другие подходы в изучении японского фашизма, например, можно было бы положить в основу одного из них идею «консервативной революции», которая небезуспешно применяется для исследования западноевропейского фашизма. Заманчивой представляется сформулированная недавно на основе обобщения громадного материала концепция фашизма американского исследователя Р. Гриффина как «палигенетическая форма популистского ультранационализма» (см. «**Полис**». 1996. №1. С.175). Но так или иначе, заслуга автора монографии заключается в том, что он сделал первый шаг в новом понимании фашизма в Японии. Что касается перспектив, то дело за конкретными исследованиями в области социально-политической истории Японии 20—30-х годов, необходимость в которых давно уже ощущается.

В. В. СОВАСТЕЕВ,
доктор исторических наук.